

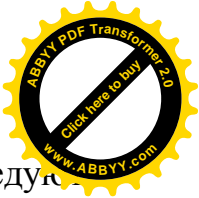
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИДЕОЛОГИИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ КЫРГЫЗСТАНЕ

В постсоветском Кыргызстане из-за несоответствия базисных условий и надстроечных порядков, существовали, и в какой-то мере даже прогрессировали, противоречия морально - нравственных ценностей и идеологических ориентаций официальной власти и общества, которые в свое время М. Вебер называл «войной богов», рождающих апокалипсисы. И все это происходило в то время, когда в интересах выживания и дальнейшего развития страны, как никогда необходима была общенациональная, отвечающая современным реалиям и потребностям идея. Идея, способная консолидировать, мобилизовать и направлять общество, без которой не бывает у государства эффективной стратегии развития.

Конечно, нельзя сказать, что постсоветский Кыргызстан находился, и в данное время находится в абсолютном идеологическом вакууме, как утверждают многие. Скорее всего, он страдал и страдает от идеологической парцелляции и идеологической деструктуризации государства, особенно от идеологического раскола и идеологической дихотомии общества и власти, обусловленное конфликтом ценностей общества и власти. То есть фундаментальная проблема Кыргызстана заключается не в отсутствии идеологии вообще, а в отсутствии общенациональной государственной идеологии, следовательно, в расколе ценностных ориентаций общества и власти.

Безусловно, отказ от государственной коммунистической идеологии, как закономерное историческое явление первых лет постсоветского транзита, имел несомненные политические позитивы, соответствующие требованиям демократического транзита кыргызстанского общества. Благодаря этому, свободомыслие, свободное выражение всеми политическими субъектами своей позиции, свои взгляды получили конституционно – правовое закрепление и стали нормой повседневной жизни общества. Однако, следует признать, что данный период ознаменовался также и безоглядной и неоправданной абсолютной деидеологизацией страны. В результате этого, у государства фактически исчезла система культивируемых общенациональных ценностей и смыслов, то есть страна, утратив старую, не приобрела новую государственную идеологию.

Конечно, в демократическом обществе не должно быть идеологии, которая подавляет иные точки зрения, претендует на то, чтобы быть всеобщей, не допускает других взглядов. И, идеологические постулаты официальной власти страны не должны стать обязательной для всех субъектов и общественно – политических сил общества, тем более силой внедряться в общественное сознание. Ибо, в демократической стране люди

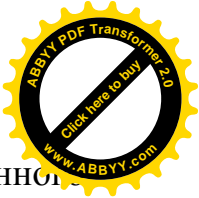
свободно выражают свои мысли, преследуют различные идеи, исповедуют различные религии, гарантируется плюрализм мнений и ценностных ориентаций. Поэтому, в условиях демократического государства невозможно, как в теоретическом, так и в практическом плане говорить о формировании государственной идеологии, которая могла бы устроить абсолютно все социальные группы, все слои кыргызстанского общества. Скорее, максимум возможно, чтобы государственная идеология отражала и выражала, прежде всего, интересы большинства общества. Поэтому, Кыргызстану необходимо было иметь четкое видение реально обоснованных долгосрочных перспектив в форме государственной идеологии, которая в сверхпрагматичном XXI веке тесно коррелирует с понятием «стратегия». В этой ситуации, попытки найти новую государственную идеологию для суверенного Кыргызстана привели:

Во-первых, к возрождению идеологии национализма, хотя она не была официально провозглашена. И находящаяся в смятении позднесоветская административно – бюрократическая номенклатура Кыргызстана моментально пошла на идеологическую инверсию, и вместо вчерашнего советского интернационализма стала культивировать идеологию национализма. При этом, она преподносилась как демократически и социально ориентированная идеология, способная ответить на массовый запрос всех социальных страт, этнических и конфессиональных групп кыргызстанского транзитного общества.

Справедливости ради следует отметить, что ставка официальной власти на идеологию национализма считается закономерным явлением, обусловленным самораспадом тоталитарного Советского Союза. Поскольку, в результате самораспада СССР, призрак национализма вновь вернулся на политическую арену фактически всех стран бывшего СССР. Следовательно, с первых дней постсоветского транзита национализм и его различные проявления продолжают реально бродить не только по Кыргызстану, но и по всем странам бывшего Союза. При этом, закономерность повсеместного всплеска национализма в Кыргызстане и в других странах бывшего СССР было обусловлено тем, что:

- национализм был востребован в ситуации кризиса прошлых идеологий как вынужденная идейная подпорка общества;
- возрождение национализма объясняется как ответная реакция на многолетнюю манкуртизацию тоталитаризма, на форсированное насаждение интернационализма в русле ускоренного формирования единого советского народа;
- самое главное, как и в течение последних двухсот с лишним лет со времен появления нации и национальных государств, национализм продолжает служить идейно – политическим обоснованием новых национальных государств.

Таким образом, апология идеологии национализма в Кыргызской Республике заключалась в том, что в конце XX века получив политическую

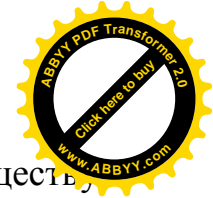

независимость, а с ним и исторический шанс на создание суверенного национального государства, официальная власть постсоветского Кыргызстана всячески старалась канонизировать идеологию национализма и навязать ее обществу. По замыслу официальной власти республики, как и всякая государственная идеология, национализм с самого начала должен был выполнять политические задачи, возникавшие в процессе окончательной кристаллизации молодой кыргызстанской нации и строительства нового, суверенного национального государства. При этом, национал – демократическая идеология представлялась как общая целостная платформа, позволяющая сформировать не моноэтническую нацию кыргызов, а исключительно толерантную, полиэтническую политическую нацию Кыргызстана из представителей разных этнополитических сегментов общества, примерно как американская нация.

В общем, логика исторических закономерностей и ход реальных исторических процессов убедительно доказывают, что в принципе разумный, или как еще называют, *позитивный* национализм был настолько необходим для самоидентификации, консолидации, структурирования и последующего существования молодой кыргызстанской нации, что мнения и утверждения о его предосудительности просто не имели и не имеют смысла. Следовательно, именно в этом контексте декларировалась официальная политика Кыргызской Республики, направленная на распространение национал – демократической идеологии «государства – нации» под политическим брендом «Кыргызстан – наш общий дом».

И, конечно, фундаментальным политико–правовым условием идеологии национал – демократии является Конституция Кыргызской Республики. В преамбуле, которой отражена этноперсонификация титульной нации, и канонизирована идеология этнонациональной политики Кыргызстана. В частности, в преамбуле Конституции страны обосновывается идея о поддержке народами Кыргызстана возрождения и совершенствования государственности кыргызского народа. Тогда как, в преамбулах Конституций фактически всех республик СНГ (за исключением Армении и Узбекистана) провозглашается принадлежность данных государств не только титульным народам, а всем народам, населяющим данные страны.

Разумеется, в результате такого подхода был нарушен принцип разумной достаточности, и была дискредитирована вполне оправданная и необходимая идея взвешенного, позитивного национализма. Поэтому, национал - демократическая идеология, проповедуемая и ангажированная официальной властью страны в основном поддерживалась только лишь радикальными кругами кыргызской интеллигенции, ура-патриотической частью кыргызской молодежи, а также определенной средой маргинальных слоев кризисного кыргызского социума. Следовательно, гипертрофированная идеология национализма в условиях полиэтнического Кыргызстана оказалась фактически невостребованной, что убедительно доказывают фатальные

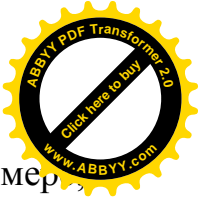
неудачи и безуспешные попытки официальных властей навязать обществу свои мертворожденные идеологические прожекты. Ибо, в условиях полиэтничного государства и глобального идеологического дуализма (неолиберализм – неоконсерватизм) официальная власть все время безуспешно пытается навязать обществу некие самобытные, в основном кыргызские идеологические ценности и ориентиры, тем более обращенные в прошлое кыргызского народа, из-за которого каждый раз они оказываются неэффективными и невостребованными. От того и паралич государственной воли при ее реализации, и поэтому высшее руководство страны дрейфовало, и продолжает дрейфовать по течению, не имея четких, идеологически обоснованных стратегических ориентиров развития государства. И во многом из-за этого, официальная власть транзитного Кыргызстана утратила лидерство в идеологической ориентации масс, и стараясь наверстать упущенное, каждый раз совершая опрометчивые шаги, при этом все больше дискредитируя само себя. И вообще, высшее руководство страны оказалось не в состоянии понять, что общенациональная идеология для народа или для государства не пишется по определенному сценарию, тем более по специальному заказу, как например, безуспешно пытались и пытаются делать это в официальных кругах постсоветского Кыргызстана. Поэтому, в результате подобной политики и такого подхода официальной власти страны за рассматриваемые годы постсоветского транзита, четырнадцать идеологических концепций, толстенных талмудов благополучно легли под сукно и канули в Лету, как невостребованные обществом идеологические химеры.

Во-вторых, в качестве альтернативной перспективы не могла увлечь кыргызстанцев за собой не только идеология национализма, не смогла этого сделать также и некогда всесильная коммунистическая идеология. Как известно, со второй половины 80-х годов XX века коммунистическая идеология переживает глубокий идейно – теоретический кризис, вылившийся не только в ее крах как господствующей государственной идеологии в СССР и в социалистических странах Восточной Европы, но и в распад самой социалистической системы государств. Поэтому, по скоропалительным оценкам многих специалистов, общественных и политических деятелей казалось, что в странах постсоветского пространства коммунистическая идеология вступила в необратимую перспективу исчезновения. Однако, она не исчезла, и в обозримом будущем не исчезнет, пока сохраняются ее социальные корни, то есть миллионы людей из коммунистического прошлого. Коммунистическая идеология не исчезнет, пока сохраняются ее политические источники и субъекты, то есть коммунистические партии, например, как Партия коммунистов Кыргызстана и Коммунистическая партия Кыргызстана. Самое главное, ее невозможно вытравить из сознания людей пока существует социальная несправедливость в обществе, поскольку коммунистическая идеология, прежде всего, исходит из приоритета социального равенства. Таким образом, позиция коммунистической

идеологии в Кыргызстане пока еще достаточно прочна, и она по праву считается грозным «бронепоездом на запасном пути». Ибо, ее номинальными носителями считалась и считается более организованная, дисциплинированная, довольно многочисленная, к тому же наиболее пострадавшая, а посему сильно ностальгирующая часть кыргызстанского кризисного социума по прошлому коммунистическому патернализму. Поэтому, в рассматриваемые годы в Кыргызстане и в других коммунистических странах бывшего СССР ностальгия и соблазн возврата к прошлому еще не потеряли свою силу, ибо если эти государства довольно легко расстались с внешними атрибутами прежнего коммунистического строя, то «коммунизм внутренний» оказался жизнеспособнее и сильнее. Например, по исследовательским данным польского социолога Е. Мокщицкого в конце XX века 80 % жителей экс – ГДР и 70% населения стран СНГ все еще отдавали предпочтение социалистическому прошлому. И во многом из – за такого настроения масс в Литве, Польше, Венгрии, Болгарии, Молдавии, Монголии к власти вернулись коммунисты.

В-третьих, если серьезно разобраться, в идеологическом плане у кыргызстанцев была, и в данное время остается реальностью, еще одна идеологическая альтернатива - альтернатива религиозной идеологии. Но в реальности, даже в самые тяжелые годы рыночной модернизации, в критические моменты отчаяния, опустошенности и безысходности, вызванные «шоковой терапией» и «социал-дарвинизмом» поликонфессиональные кыргызстанцы не стали искать утешения и ирреального благополучия у всевышнего, ударившись в религиозную идеологию. А казалось бы для этого были все необходимые предпосылки классического характера, как политические (либерализм в обществе, либерализм в отношении религиозности), идеологические (идеологический вакуум), экономические (экономический кризис, инфляция), социальные (безработица, бедность), и особенно, религиозные (подлинный религиозный ренессанс в стране). В частности, общеизвестными фактами является то, что Кыргызстан с первого дня независимости, выбрав демократический путь развития, провозгласила идеи либерализма и в конфессиональном отношении. И все это произошло в стране, где кыргызы – номады досоветского периода традиционно отличались от других этносов региона относительно умеренной исламизированностью и свободным нравом из-за неукротимого менталитета и слабого давления религиозной харизмы на общественное сознание, а в советский атеистический период русскоязычные народы страны, составляя большинство населения республики интенсивно культивировали альтернативные исламу элементы духовности, подвергая местное население массивной атеизации. Поэтому, феноменальный рост количества религиозных организаций и культовых объектов, а также стремительное увеличение адептов религиозных течений после десятилетий коммунистического атеизма было воспринято как подлинный религиозный

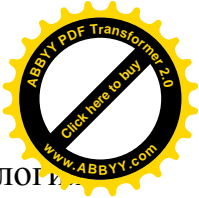

ренессанс, а посему вполне объяснимое и, в определенной мере, положительное явление.

Однако, если в начале постатеистического духовного возрождения Кыргызской Республики религия оставалась скорее культурным, социальным и сугубо религиозным феноменом, личностным вопросом, то в последние годы она все активнее политизируется и методично переходит к протестным действиям антигосударственного характера, при этом латентно вырабатывая и методично распространяя в обществе соответствующую идеологию. На фоне всего этого чувствовалось, что официальная власть, ее соответствующие службы постепенно теряют контроль над ситуацией, занимая в этом вопросе далеко не адекватную, неоправданно пассивную позицию. Из-за инерции мышления, а также догматизма в подходах к решению деликатных проблем религии, в республике, как и в советское время, религия была отделена от государства по-коммунистически, в духе марксистского атеизма. Следовательно, хотя Кыргызстан де-юре отказывался от воинствующего атеизма, по-прежнему коммунистическое отделение религии от государства характеризовалось догматическим лаицизмом. С одной стороны, лаическая политика республики выражалась в латентном игнорировании и безучастии государства в религиозных делах, позволяющая религиозным организациям вести бесконтрольную деятельность, а с другой стороны, во всяческом нивелировании общественно-политической, духовно-культурной, образовательно-воспитательной и нравственной роли религии в обществе, хотя сама история уже неоднократно возвращала религию в центр человеческой жизни не как пережитки, а как глубочайшую реальность, и религия на протяжении тысячелетий более чем достойно выполняет свою выдающуюся роль духовного поводыря миллионов, верно определяя их высшие нравственные и духовные приоритеты. Более того, даже в космическом XXI веке религия вполне объективно и закономерно остается важнейшей площадкой для борьбы различных идей, интерпретаций таких ключевых понятий, как патриотизм, нравственность, созидательность, справедливость, законность, идеология, мораль, этика, смысл жизни и т. д.

В общем, рассчитывая на особую силу религии, авторитета религиозной идеологии в Кыргызстане, на фоне сильного исламского фактора были предложения о разработке и принятии национальной идеологии на базе религиозных и традиционных ценностей. В частности, с такими заявлениями выступал бывший омбудсмен республики Т. Бакир уулу.

Однако, действенное влияние рынка и рыночной модернизации экономики, менталитет и культура, ментальный лаицизм кыргызстанцев напротив стали вырабатывать прагматичные идеологические ценности. В результате, несмотря на все вышеупомянутые альтернативные идеологические перспективы, в республике стали доминировать не идеология прошлого коммунистического патерналистского общества, не идеология стремительно возрождающегося религиозного иррационализма,

даже не ангажированная идеология национализма, а рациональная идеология прагматичного общества, свободного гражданина Кыргызстана, во многом созвучная с основными принципами глобальной идеологии неоконсерватизма. Благодаря этому, у граждан Кыргызстана утвердилась вера только в собственные возможности, сформировалась психология убежденного частного собственника и твердого индивидуалиста, стали прогрессировать нонконформизм, психологическая раскрепощенность, «веберовская» протестантская этика и мораль в светском, гражданском понимании. Самое главное, пережив затяжную «шоковую терапию» и испытания своеобразного социал-дарвинизма, креативная и динамичная часть кыргызстанского общества все больше стала избавляться от гегелевского состояния «поголовного рабства», присущего Восточным обществам. И безусловно, возможно, в этом транзитное кыргызстанское общество по - своему повторяет пример Западного мира, когда - то вышедшее из глубин Азии, и, возможно, это стремление кыргызстанцев тоже может быть воспринят как безмерно отважный порыв человека к свободе!, как когда – то писал К. Ясперс об европейцах.

Таким образом, в отличие от посткоммунистической правящей элиты республики, основная масса кыргызстанского общества интуитивно определила для себя основные идейные контуры и выбрала для этого стержневые концептуальные идеи неоконсерватизма, как наиболее приемлемая идеологическая платформа для либерально - демократического развития государства с интенсивной рыночной экономикой. А вот превращать разрозненные идеи неконсервативного толка, в более или менее связанную цельную идеологию с учетом национальных особенностей, оказалось специфической задачей интеллектуалов - идеологов, политических партий и их лидеров, интеллектуальной и политической элиты, представителей экспертных сообществ и оппозиции. И, при этом казалось бы, им не надо было «изобретать велосипед», а исходить, во – первых, из стратегической направленности общественно-политического и социально-экономического развития самого кыргызстанского общества, концептуальных целей и задач данного общества, и во – вторых, конечно же, учитывать объективные условия глобализации и исходить из опыта глобализирующего мира и его идеологических закономерностей конца XX начала XXI вв., известных нам как эпоха неоконсерватизма.

Разумеется, при этом речь никоим образом не могла идти о слепой вестернизации страны. Наоборот, неоконсерватизм, как глобальная и универсальная идеология либерально-демократического развития, приемлем, прежде всего, как несущая конструкция со своими основополагающими принципами и закономерностями. Ну, а ее содержательная часть обязательно должна была наполняться идейными ценностями с учетом особенностей «восточного» общества, национального менталитета, экономического уклада, государственного строя и других базисных реалий многонациональной Кыргызской Республики.

